

В. К. Пудожгорский

**ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ДЕРЕВНЯ БЕРДЯЙКА»
(У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ
ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПИСАТЕЛЯ)**

Первая половина 1960-х годов была периодом становления Василия Белова как писателя, уже нашедшего и свою тему, и свой жанр и совершенствующегося в мастерстве, в глубине постижения жизни. В начале этого периода, в 1961 году, подведя итог своим поэтическим опытам в книге «Деревенька моя лесная», писатель выступил с первой прозаической повестью «Деревня Бердяйка».

Рассматривая творчество Василия Белова тех лет на фоне литературной жизни, можно сразу заметить, что точно так же, как раньше стихи его создавались на гребне взлета русской поэзии, так и деревенская проза вологодского писателя оказывается рядом с «Каплей росы» Владимира Солоухина, богатейшей проблемной очерковой литературой, началом «Пряслиных» и нашумевшим очерком «Вокруг да около» Федора Абрамова, обращением к теме деревни Александра Яшина, Виктора Астафьева, первыми рассказами Василия Шукшина.

В первой повести Василия Белова можно обнаружить определенные переключки с творчеством С. П. Антонова. Так, часто звучат на страницах повести частушки. Уже на второй странице произведения один из главных героев «Деревни Бердяйки» Саша Петряев поет две частушки, обращенные к Вале и рассказывающие о его чувстве к ней. Далее частуш-

ки звучат в устах парнишки Веньки¹ и сорокалетнего плотника Никандра Сметаны (с. 36, 42); народные тягучие песни поют Илья Степанович (с. 27), бабка Наталья (с. 42—43), причем всюду приводится текст песен, как и у С. Антонова, хотя бы в его «Поддубенских частушках». И не случайно уже много позже, в 1969 году, писал критик А. Хайлов, что со страниц рассказов В. Белова северная деревня встает во всей своей жизненной правде, «со звоном частушек, волнующими звуками гармонии на посиделках»².

Можно заметить также, что в повести «Деревня Бердяйка» использованы такие, характерные для Сергея Антонова приемы, как сообщение о прошлом героя через детали его одежды (например, солдатские брюки Саши — с. 8), как внимание к висящим на стенах графикам, стенгазетам, плакатам, вроде того, который убеждает устраивать в бригадах мелиоративные посты и на котором изображен «румяный агроном в полосатой стеганке... на зеленом фоне озимого поля», с белеющими вдалеке красивыми ветряками и силосными башнями (с. 29), как включение в текст письма, которое Анютка пишет Вале и где сообщается и о том, что председателем все же остался Сергей Иванович, и об отъезде Ваньки на курсы трактористов, и о рождении дочки у Акиндина (с. 65—66). Наконец, любит Сергей Антонов рисовать в своих произведениях маленьких детей, особенно девочек, и у Василия Белова в «Деревне Бердяйке», в третьей главе, мы встречаемся с Машей, дочкой агрономши Полины Григорьевны.

Ко всему этому можно было бы добавить, что успешно претворил в своем творчестве Василий Белов и совет С. Антонова опираться на народную речь, использовать областные речения и слова, что в «Деревне Бердяйке» он, к примеру, называет плотву «сорожженкой» (с. 32), что персонажи повести говорят об «отласовке», то есть атласной куртке (с. 41), что в письме Анютки приглашение тети Насти приехать в гости звучит как «велит скорее приезжать» (с. 66) и т. п.

Однако с таким же успехом можно говорить и об учебе у Михаила Шолохова, хотя понятно, что тот опирается на южные говоры, а В. Белов на северные. Можно заметить также, что и действие первой повести Василия Белова ограничено одной деревней, как в «Братьях и сестрах» (1958) Федора Абрамова, как в «Капле росы» (1960) Владимира Солоухина и как в «Поднятой целине» М. А. Шолохова, что

и начинаются некоторые главы «Деревни Бердяйки» совсем, как у М. Шолохова, с пейзажей, показывающих движение времени и стилистически близких шолоховским:

«Пролетело над Бердяйкой много птичьих стай и хмурых, осенних облаков. Прошло несколько месяцев. Зима прикатила вьюжная, но не холодная. Даже после Нового года за деревней мягко перешептывались метели, навевая около бань и амбаров полукружья сугробов. По ночам ветер заляпывал окошки домов крупными ошметками мокрого снега. А если и случался морозец, то ветер тихо звенел в слегка обледенелых ветках черемух и берез, сухо посвистывал в обшивке домов», — так начинается девятая глава (с. 51).

Конечно, если говорить об учебе В. Белова у М. Шолохова, то в первую очередь надо видеть не какие-то отдельные особенности композиции и стиля, а общие принципы художественного освоения жизненного материала. Реализм М. Шолохова, соединяющий беспощадную правду, доходящую до трагедийного звучания, с историческим оптимизмом, согретым народным юмором, близок В. Белову. Отсюда же, вероятно, идут шолоховские интонации, появляющиеся иногда в повестях и рассказах вологодского писателя. И правильнее говорить не об учебе, а о следовании В. Беловым лучшим традициям русской советской литературы, наиболее полно воплотившимся в творчестве М. А. Шолохова. Следуя этим традициям, Василий Белов уже в первой своей повести достаточно оригинален. И уже здесь наметились те особенности его творчества, которые были замечены критикой в «Привычном деле» и последующих книжках.

На наш взгляд, главное у В. Белова — это идущее от полноты мироощущения любовное внимание к подробностям жизни, а также почти подчеркнутое стремление не навязывать открыто своих мыслей читателю.

В «Деревне Бердяйке» эти жизненные подробности, составляющие едва ли не главную прелесть произведения, появляются с первых же строк. Сначала это сельский пейзаж:

«Ночью над рекой Каменкой, в ивовых кустах и поросших лютиком левадках скрипят и скрипят коростели. Поднимается над поймой туман, заволакивая матовосизой испариной осоковые омуты и шучьи заводи. С поля по усталой, нагретой за день земле наплывают полночные холмки...» (с. 7).

Потом подробности одежды:

«Саша был в солдатских брюках, в черном пиджаке и в белой рубашке. На голове у него кепка с вложенной внутрь картонкой» (с. 8).

Наконец, уже через две страницы от начала повести, появляются строки, в которых гармонически целостное восприятие жизни:

«Где-то внизу шумно вздыхала и жевала жвачку корова: хруп-хруп. На деревне все еще играла Веенькина гармоника, и скрипел за баней бессонный коростел. Уютно пахло коровьим теплом, а окошко, вырубленное в стене, тянуло росной свежестью, но свежесть эта сразу же угасала в нагретой за день бревенчатой повети» (с. 9).

Эта картина деревенского вечера с его звуками и запахами, в которой сливаются и природа, и дела рук человеческих, дана через сознание юной доярки Анютки, едва ли не главной героини произведения, и приближена к человеку (недаром уже не коростели, а бессонный коростель скрипит и уже не в левадках над рекой, а за баней). Заметим также, что у девушки, должно быть, от тяжелой ее работы, «тосковали в запястьях руки», и мы понимаем, что неловко было лежать Анютке, и не могла она заснуть и из-за развивающихся любовных отношений подруги своей Вали и Саши Петряева, которого любит Анютка. Так что жизненная гармония в повести В. Белова — отнюдь не любование произвольно выхваченной частностью, а мудрость, основанная на принятии жизни в целом, на умении за всеми сложностями и противоречиями чувствовать общий лад.

На следующей странице описаны воскресное утро и пробуждение председателя колхоза Сергея Ивановича, жизнь которого сложна и трудна, и трудности эти будут показаны, а сейчас:

«Сергей Иванович с усилием открыл глаза. У самого изголовья острожно вздрагивала розовая петушинная борода. Петух, изредка мигая круглым глазом, по-дурацки глядел на председателя. Сергей Иванович улыбнулся. Вдруг петух откинул назад свою плоскую голову с обмороженным гребнем и, косо изгибая шею, издал мощный картавый звук, после чего в горле у него еще секунды две что-то хлопотало и журчало.

— Ох ты, черт, пернатый дьявол! — Сергей Иванович весело сбросил одеяло и прогнал петуха.

В солнечном пучке, бьющем из бревенчатого паза, захороводились пылинки, под пластинами огородного сена загремели жерди, и председатель по-молодому выскочил в сени» (с. 10).

И далее:

«На часах было полпятого. Председатель, не дожидаясь самовара, вышел на улицу. По деревне дымилась трубы, на траве обсыхала негустая роса. В том конце деревни звучно колотил в барабанку пастух. Пахло пирогами» (с. 11).

Здесь многоголосье деревенской жизни создает радостное настроение у одного из героев повести, и это настроение передается читателям. Ведь писатель рисует не экзотические красоты, а красоту окружающей всех нас действительности. Так, не высказывая своих суждений, В. Белов учит любить жизнь, наслаждаться ею, купаясь в ее живительных струях и не разбрызгивая ее, не нарушая ее стройной гармонии.

А во второй главе дана картина крестьянского труда: под надвигающейся грозой мечут два стога сена. Нарисовано это столь живо, в таких подробностях, что, право, трудно найти в нашей литературе другой, столь же прекрасный рассказ об этой обыденной крестьянской работе, и невольно вспоминается толстовский сенокос. А ведь это первая повесть В. Белова!

Труд человека оказывается рядом с нерукотворной природой главным смыслом жизни, источником ее животворящей силы и привлекательности. Василий Белов с затаенным восторгом подробно показывает орудия труда и создаваемые этим трудом творения. Поистине героями повести становятся в следующей за рассказом о метании стогов главе топор и дом-пятистенок.

Вот рассказ о топоре, целая вставная короткая новелла, почти стихотворение в прозе:

«Топор у Сметаны горбоносый, с длинной пятой. Широкие тонкие «щеки» этого топора, их певучая златоустовская сталь дополняются недлинным выгнутым топоричем, до блеска отшлифованным мозолистыми ладонями Никаши. Удобный расширенный конец топорича — на одной линии с носком и пятой лезвия, тогда как у Саши топориче как-то задралось вверх, плоское и неуклюжее. Манера делать топориче своя, особая, и у Ильи Степановича. Старик вытесывает топориче с «брюшком», для заклинивания использует только деревянные клинья, тогда как Саша и Сметана заклинивают железками, вырубленными из серпа» (с. 24).

А вот пятистенок:

«Не в пример прежним постройкам был этот пятистенок целиком из нового леса. Сосновые, недавно с корня, бревна слезились на торцах янтарными капельками смолы. Белая, с желтыми прослойками мякоть древесины легко поддавалась топору, источая крепкий запах древесной влаги. Стоит пятистенок на угоре, в центре деревни. Его белые стены видны далеко, из других деревень. Вся округа как-то сразу преобразилась и повеселела, когда Сметана прибил последнюю обшивочную доску и над избой прямоугольным изломом взметнулся конек» (с. 25).

Пятистенок, как и топор, живет вместе с людьми, в нем раскрывается лучшая сторона их души. Именно такая ладная

работа, или, как говорят, творческий труд, дает радостное чувство своей причастности к движению жизни, к ее великой гармонии, и неважно, писатель ты или плотник, но, читая подобное, так и представляешь, что столь же любовно строит В. Белов свои художественные творения, свои «пятистенки».

В последующих главах «Деревни Бердяйки» с таким же родственным вниманием изображены едущий грузовик (с. 35), вязание снопов тресты (с. 45—46), взвешивание на безмене новорожденного ребенка (с. 45).

Картина жизни была бы неполной, если бы на смену одним, отжившим свой век или погибающим до срока, не приходили другие. Хоронят Илью Степановича Лукинова, отца Геннадия, ставшего мужем Вали. Погибает, спасая колхозный скот, Саша Петряев, незадолго до этого сыгравший свадьбу с Анюткой. Родится у Татьяны Брагиной сын Станислав. Ожидает ребенка Анютка.

В концовке повести мы видим первую весеннюю полянку, темнеющее и набухающее ложе Каменки, откуда скоро «пробьется, наконец, первая живая струя и зашумит весенняя водополища». Анютка глядит на эту реку и вновь ощущает «того, кого еще не было на свете, но кто уже уверенно стучался в жизнь» (с. 66).

Вместе с чувством общей гармонии жизни, которая принимается в целом, таланту Василия Белова свойственно умение видеть и стремление изображать сложные жизненные противоречия. Эта черта тоже, хотя и в меньшей степени, проявилась уже в первой повести вологодского писателя.

Уже в первой главе мы видим, как председатель колхоза Сергей Иванович вынужден вести крайне неприятный разговор с бригадиром третьей бригады Акиндином Марфушиным, который втихомолку по вечерам косит сено для своей коровы. «Черт те что! — думает председатель. — И снимать Марфушина жаль, семья велика, и бригадир неплохой, а снимать с работы надо» (с. 11).

Позднее самого Сергея Ивановича едва не снимают с должности за то, что выбраковали в колхозе несколько коров, и хотя это было на пользу хозяйству — и от недойных коров избавились, и деньги на ремонт и строительство коровника получили, — Сергея Ивановича прорабатывают на бюро райкома, чуть даже не отдадут под суд, помещают карикатуру в районной газете.

Не обходит В. Белов вниманием и заколоченные избы, и ноющие руки доярки, и деревенские сплетни. Но все это не разрушает, не в силах разрушить общую, оптимистически воспринимаемую картину жизни, хотя в какой-то мере и нарушает ее прекрасную стройность.

Эта стройность, этот лад,— в глубинных корнях жизни русского народа. Поэтому естественно, что в повести «Деревня Бердяйка» изображение сегодняшнего дня соединяется с обращением к прошлому, причем встает это прошлое обычно в воспоминаниях людей. Под тиканье ходиков раскрывает, например, Геннадий шкатулку умершего отца, где тот хранил рыболовные крючки, лекарства, облигации, квитанции на сельхозналог и самообложение, письма,— и, читая свое давнишнее письмо домой, вспоминает детство, трудные послевоенные годы.

В другом месте во время вязки снопов тресты бабы вспоминают старину, когда в избах светила сырая осиновая лучина, пожилой ныне Сметана бегал без порток, а бабы с девками и вообще «штанов тогда не носили» (с. 46).

Эти рассказы старых женщин пересыпаны грубоватым народным юмором. Вот образец подобного деревенского анекдота:

«А то Сава, покойная головушка, тоже выдумщик был. Пришла я пораз к ним за дрожжами пироги творить, перед успением дело было. А старуха евонная загодя еще в гости уходила, вот Сава, гляжу, сам корову сел доить. Приладился это, дойник-то поставил промеж ног. Только взялся за титьку, а корова с непривычки и взыгранула от него. А он изо всей-то правды выматюгался, руки-то опустил в дойник да и шарит по дну. Я говорю: «Что, дядя Сава?» А он мне на ответ: «Да вот, мать-перемать, титька оторвалась, найти никак не могу. Ну-ко, погляди, Наташка, ты остроглазая...» (с. 47).

Так вот где истоки вологодских бухтин, которые, спустя несколько лет, привлекут внимание читателей к Василию Белову и за которые их автор получит габровскую медаль. Кстати, и само слово «бухтина» уже появляется в «Деревне Бердяйке», правда, пока в несколько ином значении:

«Ишь, мать честная, бухтин каких наколотил кто-то! Как пила стала коса-то,— ворчливо приговаривает дед Николай» (с. 17), называя, очевидно, бухтиной выбонну на косе.

Итак, мы убеждаемся что уже в повести «Деревня Бердяйка» обнаружилось многие сильные стороны будущего автора «Привычного дела», «Плотницких рассказов», «Бухтин вологодских». Однако почему же это произведение не

привлекло к себе внимания ни широких кругов читателей, ни критики, не стало событием в литературной жизни? Только ли потому, что Василий Белов был еще недостаточно известен? Или, быть может, читатель и критики еще не были готовы к встрече с В. Беловым? В какой-то мере можно принять в качестве одного из объяснений и неизвестность вологодского писателя, и то, что «Привычное дело» оказалось более ко времени. Однако вспомним, что «Привычное дело» будет печататься в менее известном, можно сказать, периферийном журнале «Север». Обратим внимание и на то, что «Деревня Бердяйка» и в последующие годы не приобрела той популярности, которую приобрели произведения В. Белова второй половины шестидесятих годов.

Значит, главная причина в другом, в том, что эта первая повесть В. Белова, несмотря на целый ряд достоинств, имеет и весьма существенные недочеты.

Прежде всего и самое основное — нет в ней ярких характеров, которые можно было бы поставить в один ряд с Катериной и Иваном Африкановичем из «Привычного дела» или Олешей Смолиным из «Плотничьих рассказов». Поэтому «Деревня Бердяйка» явно проигрывала в сравнении с первой частью тетралогии о Пряслиных Федора Абрамова и повестью «Дело было в Пенькове» Сергея Антонова — произведениями, о которых много писали и говорили в то время и в которых были очень сильные, запоминающиеся характеры, стоящие в центре повествования. Проигрывала «Деревня Бердяйка» и в сравнении с «Каплей росы» Владимира Солоухина, где в фокусе оказывался образ самого повествователя, чего у Василия Белова не было. Недоставало в первой повести вологодского писателя и психологической глубины. Автор даже как-то избегал показа движения души героев в самые ответственные моменты их жизни.

Так, события, изменившие судьбу Вали, заставившие ее забыть Сашу Петряева и выйти замуж за Геннадия Лукинова, оказываются почти пропущенными. О чувствах и мыслях Вали мы узнаем очень мало. Подробно описан приезд Геннадия, показана его встреча с Валей, и сразу же после этого: «Через несколько дней они уезжали по разбухшей от осенних дождей дороге» (с. 38). Дальше сообщается, что Геннадий заколотил досками окно дома, рисуются проводы, задним числом говорится о сватовстве Геннадия, коротко о переживаниях Вали. Бегло сказано в повести о чувствах

Анютки и Саши, о развитии их отношений перед свадьбой. Зато подробно описывается, как Саша оглядел сани, потрогал завертки, одну из них пошел заменить к деду Николаю, что при этом он думал, как разговаривал с председателем о свадьбе, как сел в сани и, откинув правую ногу наружу, хлопнул вожжой по лошади, как заехал за Анюткой, как приехал с ней в сельсовет... Все это дано зримо, с подробностями, побеловски. Но самое главное опять оказалось пропущенным.

Конечно, как первый опыт В. Белова в прозе «Деревня Бердяйка» знаменовала определенный успех писателя. Для начинающего автора это было этапное произведение, первая проба пера в том жанре и стиле, в котором через несколько лет так блестяще оформится «Привычное дело».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белов В. Сельские повести.— М., Молодая гвардия, 1971, с. 32. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

² Хайлов А. Поклоняться или исследовать.— Север, 1969, № 3, с. 133.